

БОГ

СЛАДКАЯ ПЛАЗМА
КСАНДАРА БО

МУЗЫКА С ЗЕМЛИ

ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Иллюстрация на переплете
художницы *Sennota*

Свиридов, Георгий Михайлович.

С24 Сладкая Плазма Ксандара Бо / Георгий Свиридов. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-228678-0

В далеком космосе музыка с Земли — величайшая ценность, за которой охотится любой житель галактики, в том числе Ксандар Бо, молодой вергилианец-меломан, мечтающий заработать на свою космическую станцию. Любовь к музыке приводит его на Землю, где ему предстоит помочь инопланетянке, чье сознание «заснуло» в теле земной девушки, похитить собаку и узнать, как музыка может спасти Вселенную от тепловой смерти. И все это в теле Джареда Лето!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Свиридов Г., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-228678-0

*Любимой Жене.
Ты Ветер в моих парусах.*

GOJIRA

THE ART OF DYING

Тата проснулась и рывком села на шкурах. Мгновение назад она рвалась напролом сквозь колючие заросли, убегая от чего-то большого и тяжелого. Сердце колотилось о ребра, продолжая мчаться вперед, спотыкаясь на каждом ударе. Теперь кошмар остался позади, но страх, сбегавший по виску струйкой пота, никуда не делся. В ушах пульсировала кровь, легкие пылали, а снаружи доносился звук, который Тата никак не могла разобрать. Она тряхнула головой и провела рукой по лицу, снимая с себя обрывки сна, как учил ее отец-шаман. В этот миг в ее сознание хлынула реальность. Кричали люди. Множество голосов слилось в ревуший поток страха, боли и ненависти. За пологом, снаружи, шла бойня. Не битва, нет. Звуки битвы Тата знала. Они несли в себе злость, ярость, и боль. Но сейчас Тата слышала ужас и бессилие.

Тата вскочила и оглянулась. Отца в хижине не было. Девочку сковал страх. Точно как во сне. Только во сне она могла бежать, а сейчас стояла на остываю-

щих шкурах и смотрела на полог, который отделял ее от ужаса, кипевшего снаружи. Кто напал на них? Почему она не услышала криков и не проснулась? Что делать? Если бы с ней был Том, он бы знал, как поступить. Но старшего брата забрали боги за то, что он нарушил правила. Так сказал отец. И теперь Тата была одна.

Рядом с хижинкой кто-то истошно закричал, потом раздался хруст, и голос человека превратился в булькающий хрип. Спина Таты напряглась, ноги налились тяжестью, а ладони покрылись потом. Она будет драться до конца, если только сможет пошевелиться. Полог распахнулся, в хижину ворвалась размытая тень. Тата хотела закричать, но отец зажал ей рот рукой и жестом приказал молчать. Он был ранен. Из страшной раны на лбу текла кровь, заливая глаза, сползая по щекам, путаясь в густой бороде. Отец тяжело дышал и вздрагивал при каждом движении. Тата заметила, что порез на голове — не самая большая его беда. В левом боку торчал наконечник копья с куском древка, похожим на раздробленную кость. В голове у девочки оглушительно загремели барабаны напуганного сердца. Но на страх не было времени. Шаман уже тянул ее за руку к выходу, туда, где в ночном воздухе звучали предсмертные крики её племени.

Выбежав наружу, Тата на секунду ослепла. Пылали хижины. Жар опалил лицо, запах горелой травы смешался с запахом крови и пыли. В отблесках огня металась тень. Они налетали друг на друга, и тогда одни падали, а другие набрасывались на них и били их сверху по головам, выставленным в отчаянии ру-

кам, беспомощным спинам. После нескольких ударов тени на земле переставали шевелиться. Таких мертвых теней Тата увидела много, очень много. Крики доносились со всех сторон, совсем рядом детский плач рвал на кусочки темноту и сердце Таты. Она сделала шаг на его звук, но плач вдруг оборвался. Из-за соседней хижины выскочил человек, сжимающий в руке дубинку, с которой на землю падали тягучие капли. Человек бросился к Тате. Девочка спряталась за зажмуренными веками и не увидела, как шаман шагнул вперед, выставив перед собой обсидиановый нож. Острый камень вошел нападавшему в горло, он схватился руками за рану и повалился на землю, хрипя и скребя ногами. Все произошло за мгновение. Тата снова открыла глаза, чтобы посмотреть, что случилось, но отец уже снова тащил ее в сторону леса, вверх по склону, к горе.

Уже на опушке Тата обернулась и увидела, что у их с отцом хижины столпилось несколько человек. Они нашли убитого шаманом воина и оглядывались по сторонам. В отблесках пламени их лица были кроваво-красными. Один из них заметил шамана и Тату, нырнувших в высокие заросли на краю леса, и отрывисто крикнул. Убийцы бросились в погоню. В деревне уже никто не кричал.

Тата скользила на мокрой земле, то и дело падала на колени, но отец продолжал упорно тянуть ее к святилищу. Кто на них напал? Почему?

Шаман не собирался ничего говорить. У него оставалось слишком мало времени и слишком мало крови. Он чувствовал, что ему не хватит сил на новую схватку, да и оружие он потерял. Оставалось только

добраться до святилища и укрыться там, довести Тату до пещеры, а дальше... Боги помогут. Должны помочь.

Крики преследователей остались далеко внизу. Найти в темноте тропу к святилищу мог лишь тот, кто проделывал этот путь сотни раз, поэтому пого- ня отстала. Шаман остановился перевести дух, а Тата упала на колени и оглянулась на стоянку своего пле- мени. Все хижины горели. Огонь освещал деревья и валуны, отчего казалось, что внизу, у подножия горы, что-то празднуют. Тата всхлипнула. Прятаться в святилище — плохая идея. Оттуда некуда бежать, это лишь отсрочит неминуемую смерть. Гора возвы- шалась над морем, обрываясь в кипящие волны от- весной стеной, и с той стороны ее покрывал густой лес. Девочка с тяжело раненым отцом не смогла бы уйти далеко. От безысходности хотелось завывать, ра- зорвать кожу на груди и вырвать собственное гремя- щее как ритуальные барабаны сердце, протянуть его богам, и пускай пустое тело, оболочка духа, скатится к подножию горы. Если бы с ней был Том, все было бы совсем иначе: он бы придумал, что делать.

Шаман знал, что чувствует его дочь. Она моло- да и боится смерти, не хочет умирать. Совсем как её брат. Он тоже стремился жить, узнать все тайны пути шамана, следовал за отцом повсюду и слушался его во всем. Во всем, кроме одного. Когда его забра- ли боги, Тата осталась единственной возможностью сохранить знания для всего племени. Но племени больше нет. И всё, чему он научился, уйдёт в небы- тие вместе с их последними вздохами. Шаман видел: его смерть может дать дочери надежду. Нужно лишь умереть правильно.

Собрав последние силы, он поднялся и потянул дочь за собой. Святилище недалеко, но он слишком ослаб. Лишь бы довести Тату до входа и отвлечь погоню, увести их к морю. Дочь должна уцелеть, должна сохранить и передать знание тем, кто будет готов его принять. Но те, внизу, убьют её, не успеет она и рта раскрыть. Она должна найти других. Неважно, что это будет чужое племя. Племя не имеет значения. Никогда не имело. Важно лишь знание.

Путаясь мыслями, спотыкаясь и падая, шаман брел вверх по склону. Теперь уже не он тянул за собой Тату. Она тянула его. Сзади доносились голоса преследователей, которые решили не дожидаться рассвета, чтобы прикончить врагов.

Тропа разломилась на две. Левая вела к святилищу, большой пещере с узким входом на высоком скальном выступе. Попасть туда можно было только по лестнице из кожаных ремней. Правая тропинка огибала гору и выходила на плоскую площадку над морем.

Тата потянула отца влево, но он помотал головой и махнул рукой. Дочь потянула шамана снова, но тот лишь упал на колени и снова помотал головой. Обеими руками он схватился за торчащий из бока наконечник копья и дернул. Наконечник вышел из плоти с влажным чавкающим звуком, из раны мгновенно потекла кровь. Всего этого Тата не видела, скорее чувствовала кожей. Слышала, как горячий ручеек жизни сбегает вниз по бедру отца, льется с колена на землю. Шаман встал, закрывая рану рукой, погладил дочь по плечу и побрел вправо, вокруг горы, оставляя за собой кровавый след на тропе. К моменту, когда

погоня доберется сюда, ночь уйдёт, и следы раненого будут хорошо видны.

Тата понимала, что больше никогда не увидит отца. Она догнала его, положила ему руки на плечи и прикоснулась лбом к его спине. Страх отступил, осталось только чувство единения, понимания, горечи. Тот, кто носил на руках, разводил огонь, учил отличать травы, показывал тропы, смеялся у костра, общался с духами, тот, кто дал ей и брату имя — уходил навсегда по тропе, ведущей к морю. Отец обернулся. Кровь из раны на лбу запеклась черной коркой, он был раздражен и недоволен. Дочь тратила время и испытывала судьбу, но он понимал её боль. Он отнял руку от кровотокающей раны на боку и поднёс пальцы к лицу Таты.

Черта сверху вниз, черта слева направо, точка — эти знаки он оставил на правой щеке дочери. На левой он нарисовал наклонную черту сверху вниз, точку и еще одну точку. Тата замерла, мысленно читая знаки. Тум, Пата, Том, Тата. Пата — так, оказывается, звали её мать. Тата этого не знала, отец никогда не рассказывал ни ей, ни брату об их матери, которая умерла, когда они были совсем маленькими. Пата. Теперь все четыре имени — отца, матери, сына и дочери — сложились в одну фразу, повторяющую бой ритуальных барабанов. Фразу, которую она слышала столько раз, которую повторяла про себя бесконечно, пока погружалась в мир духов. Фразу, от которой скоро останется только одно слово — Тата.

По щекам побежали слёзы, девочка обняла отца крепко-крепко. Шаман вздрогнул от пронизывающей боли в боку, от неожиданности, от осознания скорой

смерти. Он еще раз посмотрел в ее полные слез глаза, развернулся и побрел туда, откуда доносился шум волн, бьющихся об острые скалы. Дочь осталась стоять на месте, глядя вслед, пока он, истекающий кровью, не скрылся за поворотом тропы. Шаман не оглянулся. Боги защитят её. Должны защитить.

Горизонт побледнел. По небу издалека потекла прозрачная синева. С моря потянуло холодом, и роса на траве и листьях едва заметно задрожала, превращаясь в туман. Тата почти забралась по лестнице из ремней на выступ перед входом в святилище, когда до нее донеслись голоса. Погоня подошла к развилке и обнаружила след. Но план шамана не сработал. Преследователи разделились. Часть из них отправилась за отцом по кровавой ниточке его следов, а другая часть пошла к святилищу. Тата бросилась наверх, пока ее не заметили, и едва не сорвалась с лестницы. Ухватившись за край скалы, она забралась на выступ и посмотрела вниз. На поляну высыпали люди. Их было больше, чем пальцев на обеих руках. Все мужчины. В руках копья и пращи. Тата схватила лестницу и стала втягивать ее наверх. Люди внизу заметили девочку, но было поздно. Добраться до неё они теперь не могли. Пара крупных камней ударилась в скалу рядом с Татой, и она поспешила скрыться в пещере. Преследователи загомонили и закричали что-то угрожающее, но дочь шамана это мало волновало. Она была в безопасности, по крайней мере — пока, и теперь ей нужно было придумать, как использовать оставшееся время. Скоро преследователи соорудят лестницу, поднимутся за ней, и она не сможет им помешать.

Тата бросилась к задней стене святилища, к небольшому отверстию. Через него можно было рассмотреть площадку над морем, куда отправился отец. Тата хотела видеть, что с ним произойдет, но решиться на это было непросто. Она заставила себя подойти к проёму в стене и выглянуть. На площадке столпились несколько человек, отец стоял к ним лицом, раскинув руки. Он едва держался на ногах. Его худое тело покачивалось из стороны в сторону под налетающими порывами морского ветра, и в тот момент, когда один из преследователей сделал шаг в сторону шамана, он качнулся назад и полетел в море с огромной высоты. Тата закричала, но ее голос утонул в шуме ветра и реве волн, налетающих на скалы далеко внизу. Люди подошли к краю обрыва, постояли немного, глядя вниз, затем развернулись и скрылись в лесу. Тата осталась одна.

Она видела, как гибли неудачливые охотники, попадая под ноги несущемуся зверю. И это не вызывало у нее страха или грусти. Она видела, как умирали те, в кого вселился дух болезни, и те, кто съел ядовитые ягоды. И это вызывало у нее жалость и печаль. Она видела, как умирали старые и молодые. Она несколько раз видела, как погибали воины в стычках с другими племенами. Это были знакомые смерти, и она знала, что почувствует. Смерть отца была иной. Тата догадалась, что произойдет, в тот самый миг, когда он вошел в хижину с окровавленным лицом и обломком копья в боку. Она поняла это, но не успела осознать. На тропе, взбираясь в гору среди темных зарослей, Тата слышала его тяжелое, срывающееся на хрип дыхание, но все еще не верила в то, что

он умрёт совсем скоро. Глядя в спину ковляющему в сторону моря отцу, она прощалась с ним, но надеялась, что все-таки сможет еще когда-то услышать, как он отбивает ритуальный ритм в святилище, сидя перед стеной с нанесенными на нее знаками духов. Когда отец качнулся назад, ей захотелось придержать его за спину, но она не могла, и он рухнул вниз, навстречу жадному морю, которое проглотило его.

Внутри Таты распустился цветок пустоты. Его корни проросли в сердце и мгновенно выпили из девочки всё: чувства, ощущения, мысли. Черный бутон поднялся на антрацитовом стебле и открылся, упершись в грудную клетку, плечи, спину тонкими лепестками. Их острые края причиняли невыносимую боль, хотелось разорвать плоть и выпустить их на волю, лишь бы они перестали давить изнутри. Но тело было целым, ни царапины, ни ссадины, ни одного пореза. Удивительно, как сильно может болеть то, что не повреждено.

Шаркая по каменному полу, Тата вышла в центр святилища и огляделась. Знаки на стенах не пропали. Пустой древесный ствол для отбивания ритма, палочки, каменные плоскости. Звуковые отверстия в стенах были закрыты плоскими камнями, и Тата тут же вытащила их, повинувшись привычке. Время для ритуала совсем не подходящее. Да и для кого его проводить? Для тех, кто сейчас внизу рубил кусты и деревья, чтобы смастерить достаточно высокую лестницу, чтобы убить последнюю из павшего племени? Для всех, кто погиб сегодня ночью и утром у подножия горы? Тата провела рукой по лицу и почувствовала под пальцами корку засохшей крови. Знаки, кото-

рые оставил ей на прощание отец, имена, которые он написал, ритм, который он напомнил. Том, Пата, Тум, Тата. Вынимая последний камень-заглушку, Тата начала проговаривать про себя ритуальный ритм. Пока медленно, пока беззвучно. В мыслях она прикасалась пальцами к бревну и палочкам, которыми бьют по нему, слышала звук Громкой Горы. Девочка вышла на каменный выступ у входа в пещеру, чтобы посмотреть, насколько поднялось солнце. В нее тут же полетели камни из пращей, и Тата резко отступила обратно. Люди внизу ее не интересовали, они больше не имели значения. Важно было лишь, что солнце поднялось почти до нужной отметки — тень от круглого камня почти коснулась черты на полу.

Если бы дочь шамана задержалась еще на мгновение, ее, возможно, сбили бы метко запущенным камнем. Но если бы ей повезло уцелеть, она заметила бы, что лестница, над которой трудились ее преследователи, была готова почти наполовину. Охваченные жаждой крови, еще не успевшие остыть после ночной бойни, люди работали быстро. Тата села спиной ко входу в пещеру и достала палочки. Положила перед собой бревно и стала ждать, когда проснется Громкая Гора. Она сжимала палочки, поднимая и опуская их, но не касаясь отполированной ударами поверхности. Девочка закрыла глаза и стала слушать.

Снаружи доносились оживленные голоса, ветер шумел в кронах деревьев, гул морских волн вибрировал в толще горы, безразличные к человеческим распрям птицы подавали голоса из зарослей. Кто-то засмеялся, и Тата улыбнулась в ответ. Смех принадлежал одному из тех, кто убьет ее, но разве это важно?

Важен был лишь звук, звонкий смех человека, рассыпавшийся по пещере короткими вспышками эха. И тут ее закрытые глаза слышали Гору. Низкий и протяжный, бесконечный гул полился из звукового отверстия в середине. Он был едва слышен, словно его и не существовало вовсе. Ощутить его можно было разве что волосками на коже, вибрацией сомкнутых век. Постепенно звук становился громче и набирал силу, пока не стал отчетливым. Еще через три удара сердца он достиг такой громкости, что зазвучал снаружи пещеры. Тата подняла палочки и начала отстукивать ритм. Пата-Тум, Тата-Том. Три удара, пауза, три удара, пауза. Голоса снаружи оборвались, но лишь на мгновение, чтобы затем вскипеть с новой силой. Звук Громкой Горы напугал их, но этот же страх придал им решимости поскорее разделаться с последней оставшейся в живых.

Тата играла с закрытыми глазами, а Гора выдыхала низкий тревожный гул не прерываясь. Вскоре к первому звуку и другие — из остальных звуковых отверстий. Они наслаивались друг на друга, сплетались в тугую веревку, которая плотно стягивала сознание Таты, сосредотачивая его на одном лишь ритме. Перед ее мысленным взором проплывали лица убитых ночью, заколотых, забитых насмерть камнями у подножия горы. Лицо отца, залитое кровью, лицо брата с его перекошенными губами, размытое лицо матери, которую она никогда не видела, лицо самой Таты, сидящей в святилище и отбивающей ритм. Дух горы пришел к ней, он показывал ей близких. Тех, с кем она росла, с кем играла и с кем делила пищу на праздниках у костра.